

Отец Сюй сидел рядом с матушкой Сюй, хотя и не говорил ни слова, но его лицо также не выглядело радостным. Его взгляд, наполненный серьезностью, упал на Сюй Цзюньмо, и лишь спустя некоторое время он медленно заговорил:

— Гнев не решает проблем. Мужчина, который не может контролировать свой гнев перед самыми близкими и любимыми людьми, — неудачник!

Слова отца, словно тяжелые удары молота, обрушились на сердце Сюй Цзюньмо. Его лицо сразу же побледнело, а высокое тело слегка пошатнулось. Через мгновение он хриплым голосом произнес:

— Папа... Прости, я был неправ.

— Ты должен извиняться не передо мной, — сказал отец Сюй, взяв матушку Сюй за руку и поднявшись с дивана, направляясь в свою комнату. — Ты должен извиниться перед тем, кто все еще лежит в постели.

После того как отец и матушка Сюй ушли, в огромной гостиной остался только Сюй Цзюньмо. Он стоял, опустив голову, и было непонятно, о чем он думал. Внезапно его тело дрогнуло, словно он очнулся от какого-то сна, и он поспешно направился наверх, по пути чуть не упав из-за спешки.

Дядюшка Сюй только что вышел из спальни и, закрыв дверь, обернулся, увидев за собой Сюй Цзюньмо.

— Молодой хозяин?! — удивился дядюшка Сюй.

— Дядюшка Сюй... — с трудом начал Сюй Цзюньмо. — Как Цинчуань?

— Не очень хорошо, — лицо дядюшки Сюй стало мрачным. — Температура то поднимается, то падает, и он постоянно говорит во сне.

— Я... — Сюй Цзюньмо хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. В конце концов он лишь улыбнулся дядюшке Сюй и тихо произнес:

— Дядюшка Сюй, сегодня вы сильно устали. Уже поздно, идите отдыхать, я позабочусь о Цинчуане.

— Эх! Ладно, — вздохнул дядюшка Сюй. — Тогда я пойду отдыхать. Если что-то понадобится, молодой хозяин, просто позовите.

С этими словами дядюшка Сюй развернулся и спустился вниз.

Сюй Цзюньмо наблюдал, как его фигура исчезла за поворотом лестницы, затем обернулся к закрытой двери перед собой. Внезапно его охватил страх.

С щелчком дверь открылась, и Сюй Цзюньмо, стараясь не шуметь, вошел внутрь. Увидев на кровати человека с пылающими щеками и плотно сжатыми бровями, он почувствовал, как нос защемило от нахлынувших эмоций.

— Цинчуань... Прости... — Сюй Цзюньмо подошел к кровати и сел, взяв руку другого в свои ладони и прижав ее к своему лицу. Ощущая жар от тела Цинчуаня, он почувствовал, как глаза наполнились слезами. — Прости... Я не должен был срывать на тебя. Я знал, что ты ничего

не понимаешь, знал, что это не твоя вина, но все равно обвинил во всем тебя... И... и причинил тебе боль... Прости, это моя вина. Пожалуйста, не сердись на меня, хорошо? Когда ты проснешься, можешь наказать меня как угодно, только проснись...

Человек на кровати внезапно зашевелился, его брови сжались еще сильнее, и он что-то бормотал. Сюй Цзюньмо наклонился, приблизив ухо к его губам, и наконец разобрал слова.

— Не надо... Не надо...

Услышав это, сердце Сюй Цзюньмо словно пронзили ножом, боль была настолько сильной, что казалось, он вот-вот истечет кровью. Какой же вред он ему нанес? Почему даже во сне тот страдает?

— Прости, прости... — Сюй Цзюньмо крепко обнял его, повторяя извинения снова и снова, его голос был хриплым.

Сюй Цзюньмо провел всю ночь без сна, ухаживая за Лу Цинчуанем. Температура то поднималась, то падала, и он не мог дать ему лекарство. Пришлось сходить на кухню за льдом, чтобы приложить ко лбу, и накрыть его несколькими одеялами. Однако Лу Цинчуань никак не успокаивался, словно был погружен в ужасный кошмар, постоянно шевелясь и бормоча. Сюй Цзюньмо, боясь, что тот сбросит одеяла, поднял температуру в комнате и сел у кровати, чтобы следить за ним.

Лишь к рассвету температура Лу Цинчуаня наконец упала. Сюй Цзюньмо, почувствовав, что лоб больше не горячий, с облегчением опустил камень с души. Изможденный, он, наконец, прислонился к краю кровати и погрузился в сон.

Лу Цинчуань проснулся от жары. Ему казалось, что его бросили в печь, и он вот-вот зажарится. С трудом открыв глаза, он был слегка ошеломлен, не сразу вспомнив, что произошло.

Шторы в комнате были плотно закрыты. Сюй Цзюньмо, боясь, что яркий свет потревожит спящего, оставил лишь ночник с мягким оранжевым светом на прикроватной тумбочке.

Лу Цинчуань моргнул, медленно повернул голову и увидел человека, прислонившегося к краю кровати. Воспоминания о вчерашнем дне внезапно нахлынули, и в глазах Лу Цинчуаня появился страх. Не обращая внимания на жару, он свернулся в клубок, укрывшись одеялом.

Сюй Цзюньмо, все мысли которого были заняты человеком на кровати, проснулся, как только Лу Цинчуань пошевелился.

— Цинчуань? — Сюй Цзюньмо, глядя на свернувшегося в клубок человека, осторожно заговорил.

Человек на кровати не ответил, лишь плотнее укутался в одеяло. Сюй Цзюньмо, видя, что тот не отвечает, испугался, что он задохнется, и попытался снять одеяло, чтобы вытащить его. Однако тот крепко держал одеяло, и Сюй Цзюньмо, начав нервничать, в конце концов решил действовать силой.

Лу Цинчуань, увидев, что одеяло сняли, испуганно отодвинулся вглубь кровати.

— Не бойся... Не бойся... Это я, Цзюньмо. Ты меня не узнаешь? — Сюй Цзюньмо смотрел на него, стараясь сделать свою улыбку мягче.

Однако Лу Цинчуань боялся именно его. Вчерашние события проносились перед его глазами, и он дрожал, вспоминая ужасное выражение лица Сюй Цзюньмо.

— Нет... Не надо... Уйди... Уйди... — Лу Цинчуань смотрел на него с опаской, отодвигаясь назад.

Сюй Цзюньмо было невыносимо больно, но он не мог показать этого. Он продолжал успокаивать его тихим голосом, постепенно приближаясь, а затем, воспользовавшись моментом, крепко обнял.

Не обращая внимания на сопротивление, Сюй Цзюньмо продолжал целовать его лоб, снова и снова повторяя «прости», его голос был низким и хриплым.

Наконец человек в его объятиях постепенно успокоился. Сюй Цзюньмо нежно поцеловал его нос, щеку и, наконец, мягкие губы. Затем он почувствовал соленый вкус.

Он снова заплакал. Второй раз он заставил его плакать. С этой мыслью Сюй Цзюньмо возненавидел себя, но ничего не мог поделать. Он лишь целовал его слезы, снова и снова повторяя «прости», его слова были бледными и бессильными, но они выражали его вину.

Лу Цинчуань сначала просто тихо плакал, но затем, чем больше он плакал, тем сильнее чувствовал обиду. В конце концов он схватил рукав Сюй Цзюньмо и зарыдал, слезы и сопли покрыли его одежду, и он начал икать. Сюй Цзюньмо, сердце которого разрывалось от боли, суетился, вытирая слезы и поя его водой. Лишь когда рассвело, человек в его объятиях снова погрузился в сон.

Когда Лу Цинчуань снова проснулся, был уже полдень. Сюй Цзюньмо не было в спальне. Он, потирая опухшие и болезненные глаза, сел на кровати и устался на одеяло перед собой.

Сюй Цзюньмо, войдя с водой, увидел его в таком состоянии. Подойдя, он поставил воду и обнял его.

— Проснулся? Что-то еще болит?

— Мм... — Обнятый, Лу Цинчуань наконец очнулся и, как будто капризничая, уткнулся головой в грудь Сюй Цзюньмо, а затем сказал:

— Горло... болит...

Он еще не оправился от простуды, а после долгого плача горло казалось натертым наждачной бумагой. Каждое слово и глоток причиняли боль.

— Хорошо... — Сюй Цзюньмо крепче обнял его, видя, как тот страдает, но ничего не мог поделать. Он лишь поднес воду и мягко уговаривал его пить. — Выпей воды, станет легче. Я попросил дядюшку Сюй приготовить твой любимый суп с яйцом и мясом. После еды мы примем лекарство, и все будет хорошо...

— Мм...

Теплая вода, проходящая через горло, казалась, будто он глотал осколки стекла. Лу Цинчуань, морщась от боли, сделал несколько глотков, и горло наконец стало легче.

Сюй Цзюньмо, увидев, что тот больше не хочет пить, убрал чашку, подложил подушку за

спину, чтобы он мог полулежать, и накрыл его одеялом, готовясь встать.

<http://bllate.org/book/16707/1535283>